

КОНТРОЛЬ
ПОСЛЫОтдел
информацииГосударственный
театр

КОНТРОЛЬ

КОНТРОЛЬ
ВОЗРАСТОтдел
информацииГосударственный
театр

КОНТРОЛЬ

Комсомольская правда - 1993 - 15 янв

Владимир ЧЕРНОВ: «Певец счастлив там, где он нужен»

Жил на хуторе Пикалин парнишка, учился, готовился стать мастером-краснодеревщиком, уже и на мебельной фабрике работал, но не сложилось. Теперь он поет в Нью-Йорке в «Метрополитен опера», в «Па-Скала», в Венской опере. А в лондонском «Ковент-гардене» кусают локти, не успели вовремя заключить с ним контракт.

Парнишка с хутора Пикалин давно уже стал солистом Ленинградского театра оперы и балета, Владимиром Черновым.

— Многие вещи, которые сейчас случились со мной, — я их видел, но, может быть, это было не предвидение, просто большая мечта. В успехе важна интуиция. На сколько тебя чутье ведет, на столько ты и достигнешь в жизни.

Чернов прошел армейский музыкальный ансамбль, мог стать руководителем художественной самодеятельности после окончания Ставропольского музыкального училища, окончил Московскую консерваторию.

А в Мариинском, бывшем Кировском, театре, куда его распределили, коллега встретил Чернова: «Зачем ты пришел в театр? Ты безголосый. Пел бы камерную музыку на сцене — имел бы успех. А так будешь бездарным оперным певцом». Чернов тогда ответил, что пройдет три года, и он изменит свое мнение.

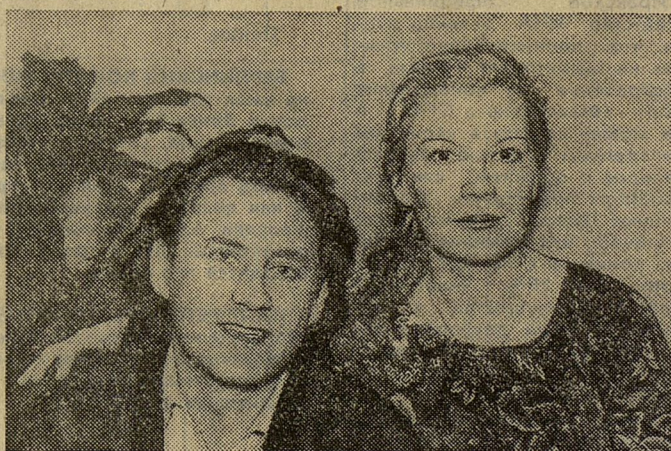
— И что было потом?

— Конечно, я был не прав, прошло три года, он свое мнение не изменил. И я еще не стал оперным певцом.

Зато верила в него жена Ольга. Без нее, считает Владимир, он не стал бы тем, кем стал. На Западе вообще говорят, что певец — это его жена. «Марта Доминго» произносится с не меньшим восторгом, чем «Пласидо Доминго».

Ольга так же, как и Владимир, окончила Московскую консерваторию. У нее обнаружилось педагогические способности, в Ленинграде она вела занятия по вокалу, но потом стала заниматься только с Володей.

Ольга: Поначалу я остерегалась вмешиваться в его вокал — слишком много семей и творческих судеб разбилось после таких вмешательств. Но

Владимир Чернов и его жена Ольга

когда мы оказались на Западе, началась кочевая жизнь: сегодня Милан, завтра Чикаго, сегодня один педагог, завтра — другой, а заниматься нужно каждый день. Взяла себя в руки, стала осторожно кое-что подсказывать, потом начался и серьезный анализ.

— Каким образом о вас узнали в США?

Володя: Все получилось случайно. В Нью-Йорке мне посоветовали обратиться в фирму «Коламбия», я там прослушался, у меня появился импресарио. Затем приглашения петь в лучших театрах мира. Прослушался в «Метрополитен опера», получил сразу более семи предложений и заключил первый свой ангажемент.

1990 год был у Чернова годом премьер. «Сила судьбы», «Дон Карлос», «Луиза Миллер», «Травиата», «Трубадур». Прославленный дирижер Ливайн заявил в прессе, что ни единого диска Верди он не запишет без Чернова.

Такого успеха он еще не знал. Хотя к тому времени был уже заслуженным артистом РСФСР.

— Неужели за признанием надо ехать так далеко? Поговаривают, что Запад — это культурная провинция, там легче «состояться».

— На Западе действительно много провинциальных по уровню оперных театров. Они есть в каждом более-менее

крупном городе, но «Метрополитен опера» — театр высочайшего класса. Петь в этом театре — большая честь даже для Паваротти и Доминго, хотя никто из них не получает там гонорар выше 12 тысяч долларов. Это половина или даже треть от их обычного гонорара в других театрах. Судите сами, провинция это или нет. И потому, кто из наших «состоялся» на Западе? Казарновская, Хворостовский — это действительно редчайшие имена.

Теперь о том, почему там раскрываются таланты. Там есть для этого условия. Я не имею в виду быт или деньги.

Когда Володя спел на «Коламбия», специалисты сказали: «О, это вердиевский баритон. Хамсон великолепный баритон, но он не может петь Верди, а Володя не может петь Вагнера, которого поет Хамсон. Если в спорте человеку дано прыгать, то он не будет бежать по беговой дорожке. Репертуар Мариинского театра не для певца, который может состояться в Верди».

Чернов: Это я имею в виду, когда говорю, что певец счастлив там, где он нужен. В «Мариинке» я пел 2—3 раза в месяц, это не стимул для роста. Только через 8 лет работы я получил арию Жермона. Тогда как на Западе в мои первые 6 месяцев я

участвовал в четырех новых постановках, я должен был выучить их назубок, проработать полтора месяца в репетициях по 6—8 часов в день. Вот это нормальные условия для работы.

Ну, конечно, он уже миллионер.

Чернов смеется.

— Моих коллег по Мариинскому театру тоже волнует этот вопрос. Спрашивают, не миллионер ли я уже.

Понятие свободы на Западе адекватно величине твоего счета в банке. Ты на столько свободен, на сколько у тебя есть деньги, чтоб есть, пить, угощать, путешествовать, удовлетворять свои потребности. Все, кто думает, что певцы едут за миллионами на Запад, — ошибаются. Никто из моих коллег миллионером не стал.

Звезде обязательно должна сопутствовать удача. Если ты неудачник, к тебе никто никогда не придет, люди тебя будут сторониться, как чужого. Там нельзя жаловаться, а тем более плакаться в жилетку.

О. Чернова: Нужно было за три дня записать «Дон Карлос» на студии «Филипс». Все было, как обычно, Володя вышел и начал петь, вот он уже спел смерть Родриго, и вдруг что-то произошло. Певец, оркестр и Ливайн объединились, началось то, во имя чего существует искусство. Сказать словами это невозможно, было жутко и прекрасно. Это почувствовали все сидящие в студии. Дирижер слился с певцом, а Володя пел так, как никогда не пел в жизни. Слушала его и не узнавала, это была темная глубина человеческого страдания.

Когда все кончилось, наступила звенящая тишина, и вдруг — аплодисменты. Такого еще не было, оркестр на записи кричал «Браво!»

В. Чернов: Все, что мы делаем на сцене, — это жизнь. Если вы думаете, что это блеф, игра, то греш цена тому, что называется искусством.

...Хочется каждую секунду жить, как в последний раз

Г. ВАСИЛЬЕВА.